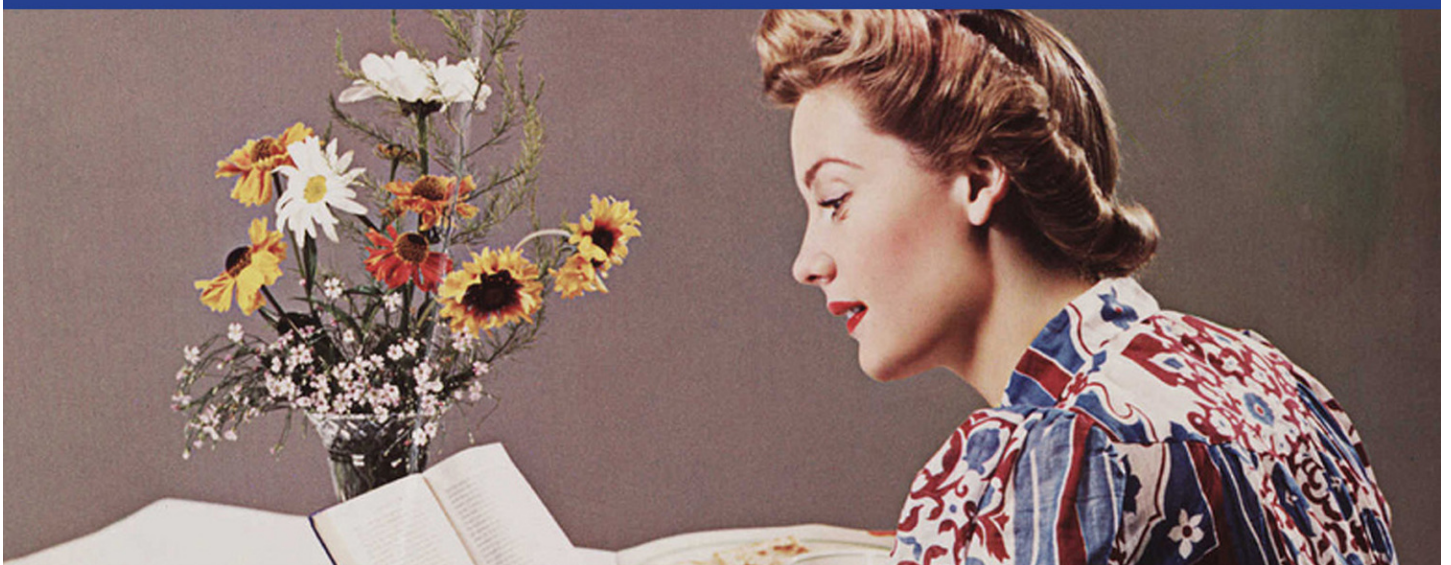

Галина Щербакова

Дверь в чужую жизнь

ФТМ

Галина Щербакова
Дверь в чужую жизнь

«ФТМ»

1981

Щербакова Г. Н.

Дверь в чужую жизнь / Г. Н. Щербакова — «ФТМ», 1981

Всю свою писательскую жизнь Галина Щербакова собирает коллекцию человеческих судеб, поступков, заблуждений. Она обращается к историям жизни людей разного возраста и достатка. Главная тема, которой посвящены все ее книги, – всеобъемлющее понятие любовь. Как бы люди ни уговаривали себя, что ищут славы и известности, денег и признания, – все ищут ее, любви. Те, кто находят, стремятся удержать, кто теряют, ищут снова. Проводя героев через огонь, воду и медные трубы, Щербакова в каждого вселяет надежду – и каждый дождетса своего счастья.

© Щербакова Г. Н., 1981

© ФТМ, 1981

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Галина Щербакова

Дверь в чужую жизнь

© Текст. Г. Н. Щербакова, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

1

«Она не идет, а ввинчивается в толпу, – подумала о рыжей женщине Катя. – И нос у нее торчит воинственно и как штопор...»

Рыжая подошла к их вагону, слепо уставилась в окна, и Катя увидела, что это Зоя. Непохожая на себя, неумело раскрашенная, но все-таки Зоя. То, что она не просто не узнала подругу, а думала о ней отвлеченно и равнодушно (воинственный нос-штопор), удивило и даже немного испугало. «Неужели и я так изменилась?» Катя инстинктивно посмотрела на себя в вагонное зеркало. Нашла, что узнаваема и соответствует той себе, какая была пять лет назад. Некоторые даже говорят: стала интересней. В эту минуту Кате особенно хотелось, чтоб так оно и было.

– Ты для кого это, мама, – спросил Павлик, – прихорашиваешься?

Удивительная способность у сына – читать ее «неопубликованные мысли».

Но тут в купе ввалилась Зоя, и она все еще держалась штопором-тараном, чтобы идти насквозь.

– Скажи, – спросила она громко и хрипло, – твои болели ветрянкой?

– Нет, – ответила Машка. Она повернулась к ним от окна, и на какую-то секунду показалось, что лицо у нее все еще оставалось сплюснутым: часа два девчонка не отлеплялась от стекла. – Ветрянкой я не болела! – повторила она.

– Павлик тоже, – добавила Катя.

– Ну вот! Ну вот! – запричитала Зоя. – Я как чувствовала. Как чувствовала!

И, бухнувшись на лавку, она рассказала, что ее девочки три дня тому в одночасье заболели ветрянкой.

– ...А это такая болезнь, просто ветром передается, не то что поцелуями. Потому и название имеет такое! – И тут же успокоила: – Но меня не бойтесь!

Катя ничего не сказала: что тут скажешь?

– Мозги вспухли, пока я не сообразила, что выход у меня же в кармане. – И Зоя бросила на колени Кате связку ключей с брелоком в виде шины. – Все в порядке. Я тут слежу за одной квартирой... Цветы поливаю, и все такое... Хата моей заведующей... Мы с ней на ножах, но, когда уезжает, ключи только мне... Поживете! И Загорск я тебе устроила. Поедешь с настоящим искусствоведом. Он еще, правда, зеленый – второкурсник, но не нудный и больше меня тебе объяснит. Он будет тебя сегодня ждать на вокзале в одиннадцать пятнадцать. Дети! – сказала Зоя совсем другим голосом, жалобным и просящим. В квартире ничего не трогать. Ни-че-го! А то я потом не расхлебаюсь... – И она решительно схватила чемоданы.

«Это даже к лучшему!» – подумала Катя. Она всю дорогу беспокоилась, что Машка не поладит с Зоиными девчонками. Машка своенравная, в общении противная, любит командовать, высказывать на все свою точку зрения, и не так часто эта точка зрения совпадает с той, которую окружающие имеют. А вот безобразничать в чужой квартире – это ее детям и в голову не придет. Этого бояться не надо.

Немного поскандалили у такси, потому что Машка хотела сесть впереди, а шофер сказал: «Пусть сядет мужчина, а не ребенок». У Павлика щеки зарозовели – назвали мужчиной. Катя слышала, что произнесено это было шутейно, шофер немолодой и мог уж разобраться, что мужчине всего ничего – шестнадцать, но Машка, как всегда, стала выяснять отношения. Не ребенок она, а девочка, даже подросток. Ей уже двенадцать лет, а не три года. Когда надо собирать металлолом, они все взрослые. А когда что им...

– Пора вводить телесные наказания, – вмешалась Зоя. – Мои такие же горластые!

Машка посмотрела на нее с отвращением.

– Куда горластые едут? – спросил шофер.

– На Маяковскую! – ответила Зоя. – В самый центр!

«Ну и что? – сказала себе Катя. – Один дом, что ли, там стоит? И потом... Сколько лет прошло...»

Она сказала себе так и заставила себя даже улыбнуться, что получилось весьма некстати: Зоя в тот момент рассказывала, как ее старшенькая «горела, так горела», в ту самую секунду Катя и повернулась к ней со своей потусторонней улыбкой. Зоя замолчала, словно подавилась, и уставилась на Катину улыбку.

– Что смешного, – спросила она обидчиво, – если у ребенка температура под сорок?

– Разве я смеюсь? – смутилась Катя. – А ты ей что давала от температуры?

– Аспирин, – ответила Зоя. – Я даю только аспирин.

– Я тоже, – сказала Катя.

Она почувствовала, как начинает у нее теплеть левая щека. Значит, проявится ее проклятое пятно, и Павлик будет спрашивать: «Мама, ты нервничаешь? Да? Нервничаешь?»

Катя прикрыла горящую щеку пальцами – тоже, наверное, температура на ней под сорок, а никакой аспирин не поможет – и стала расспрашивать Зою о жизни. Зоя сказала, что, с тех пор как они отделились от свекрови, все хорошо и муж «завязал». Эту информацию она выдала вполголоса, но Машка, до сих пор не отрывавшаяся от окна, именно на «завязал» обратила к Зое мордочку, на которой было написано брезгливое любопытство.

– Смотри, Лермонтов, – педагогично отвлекла ее Катя.

– В общем нормально, – заключила Зоя. – Я на лоджии капусту солю.

Катя засмеялась и сразу ощутила, как стихает огонь на щеке. Хорошо! Надо думать именно о Зое, о ее умении солить, мариновать, печь, вялить. Именно это умение останавливало Зою, когда ее мужу, очень хорошему прорабу, предложили переехать в Москву на олимпийский объект. «Как я буду без погреба?» – спрашивала Зоя. Но прораб был по рождению москвич, он всю жизнь, сколько жил в Северске, спал и видел какую-то свою, ни на что не похожую Стромынку, которую северские приятели его называли Стремянкой.

Поэтому они все-таки переехали, поселились у свекрови, пошли одна за другой встречи с друзьями-приятелями с этой самой Стремянки-Стромынки, и прораб медленно, но верно становился пьяницей. Зоя подняла волну на полстраны, включив в спасение прораба силы неимоверные. Оказалось, что самый простой способ отделаться от натиска женщины, которая не ходит, а ввинчивается, это дать ее семье квартиру вне очереди. Подальше от Стромынки и старых друзей. Квартиру дали. Друзей мужа Зоя на порог непустила. Прораб пошумел-пошумел на пятнадцатом этаже, хотел их догнать, а лифт как раз застрял. Вот в эти минуты, что стоял он на площадке и с остервенением давил кнопку, был сделан им главный выбор в жизни.

Катя старательно слушала ненужную ей историю сомнений и страданий прораба, потому что надо думать, думать о постороннем. Чем глубже она погрузится в чужую жизнь, тем скорее утихнет щека. Сейчас же Зоя сообщала самое ценное из жизни: капусту она солит на лоджии.

– Какая там работа! – махнула она рукой на вопрос Кати. – Перекладываю бумажки.

И снова ядовито обернулась Машка, и снова – в который раз! – Катя поняла, как осторожно надо говорить при детях. Неизвестно, что от их взрослых слов у тех прорастает.

Такси свернуло на улицу, и Зоя страстно, будто сама эту улицу выстроила и тротуаром покрыла, пояснила:

– Вот к этому, пузатому, серому, серому! Ишь, как стоит, – направляла она. – Ты посмотри, Катя, какой дом! И грудь у него, и живот!

Этот дом снился Кате в кошмарах. Серый, тяжелый, круглый, он падал на нее всеми своими старинными окнами, и стекла давились у нее на груди, скрипя и уничтожая. Она кричала, вскакивала, а на теле оставались следы – багровые, с кровавыми точками. Надо, чтобы прошло много, много лет, тогда это перестанет сниться... Вот только на щеке у нее так до конца не зажил след от дома-бандита. А теперь они остановились у самого подъезда, и из распахнутой

его двери, как и тогда, давно, пахло загнанным в лифтовой штрек ветром. Ничто нигде никогда так не пахло.

– Как странно здесь пахнет! – сказала много лет назад Катя, когда вошла в этот подъезд.
– Так пахнет плененный ветер, – сказал он ей.

Подрагивала, позвякивала, постанывала железная сетчатая шахта лифта, как будто действительно кого-то держала и не пускала.

– Как странно здесь пахнет! – сказала Машка, суя нос в подъезд.

– Это еще ничего, – сказала Зоя. – Не кошками и мочой, как в других...

Представилось несуразное: Зоя приведет их в ту самую квартиру. Мало ли что могло случиться за эти годы? У Зои же, как назло, выражение торжественное, лукавое. Катю просто ужас охватил. Она прикрыла щеку рукой, потрясенно глядя, как крепким, тренированным шинкованием капусты пальцем Зоя нажимала в кабине кнопку четвертого этажа.

Они выгрузились на площадку, и Катя замерла перед массивной коричневой дверью. Она знала: надо делать другое, хватать за руки детей – черт с ними, с чемоданами, – и мчаться вниз на лифте, без лифта, неважно... И потом бежать от этого дома, от запертого в шахте ветра, от этой улицы, бежать, бежать, а если они, дети, спросят, куда она их тащит, крикнуть, чтоб не спрашивали. Не их это дело! Есть ситуации, когда не обязана мать давать отчет детям, а они обязаны ее беспрекословно слушать. Может, в жизни один раз бывает такая ситуация. Это именно такая.

Зоя открыла соседнюю дверь, и они вошли в квартиру.

– Мам, что с тобой? – встревожился Павлик. – Ты чего-то нервничаешь?

– Да нет! – ответила Катя. – А кто здесь соседи? – тихо спросила она Зою.

– Какие-то молодые! Раз видела. А что они нам? Это же не коммуналка! – И Зоя радостно, как у себя дома, распахнула все двери славной однокомнатной квартиры – двери в кухню, в ванную, в уборную, в кладовку и на балкон.

Именно потому, что открывать дверь в кладовку было глупо, туда сразу и пошла Машка.

– А там тоже дверь! – крикнула она.

Большая двустворчатая дверь в кладовке была грязной. Когда-то с другой ее стороны висела толстая бахромистая портьера. Ей, Кате, объяснили: это очень старый дом, раньше на площадке была всего одна квартира. Уже после революции сделали из одной две. А дверь между ними осталась. Надо бы ее заложить, да как-то хлопотно. Вот и повесили портьеру. Потом Катя поняла: не в этом дело. Был план присоединить отпочковавшуюся в трудные времена квартиру, исходя уже из новых, оптимистических обстоятельств, что жилищный кризис как кризис существовать перестал. Дверь в стене служила наглядным указателем в завтрашние возможности. Поэтому закладывать ее и глупо, и расточительно: потом выбирай из проема кирпичи.

А может, ничего такого и не думали в *той* квартире и все померещилось Кате позже, когда ни одной, ну, просто ни одной хорошей мысли о них не приходило в голову. Тем не менее дверь в стене жила по-прежнему, и Машка постучала по ней кулаком.

– Они на даче, – успокоила Зоя ринувшуюся на дочь Катю. – Летом все из Москвы... – Она решительно повела всех к балкону. Даже кресло отставила с дороги и шторы раздвинула. – Смотри, какой широкий, – сказала она Кате, – просто можно жить. – Лицо у Зои затуманилось, и легко было себе представить, какое количество квашеной капусты виделось ей на этом широком, огражденном каменными столбиками-вазочками пространстве.

Катя переступила порог. Основная, большая часть балкона принадлежала той квартире. Балкон огибал ее с двух сторон, сюда выходила дверь из их столовой. Границей балконной территории служил ларь, он был и тогда, ларь с бутылками, банками, тряпками. Сейчас на этом ларе лежала свернутая малиновая дорожка, а на самой ее середине пауком сидело чернильное пятно. Катя вспомнила запах тех своих дешевых духов, флакончик которых носила

в кармане плаща. Она полезла за ними, уронила ручку, наступила на нее ногой, и по яркой новой дорожке расплылся фиолетовый краб. Она испугалась и стала мыть и чистить, а ей сказали: «Подумаешь, ерунда». Катя знала, что не ерунда. Дорожка и дорогая, и новая, а она ее испортила. Но ей сказали: «Перестаньте об этом думать, как не стыдно!» Никого испорченная вещь не взволновала.

Катя тогда очень этому удивилась. Все вещи имели для нее денежный эквивалент, а деньги, в свою очередь, эквивалентом имели работу. Работа же – это в общем-то жизнь, клетки, нервы, это усталость, недосыпание. В такой цепи связей нельзя было не реагировать на пятно, надо было сказать ей, что она растяпа, что она вещи не бережет. Полагалось сказать! Ей стало бы легче от осуждения. А много позже, когда прочла у Чехова что-то вроде: воспитанный человек не обратит внимания на пролитый соус, – она, помня эту историю, и Чехова в какой-то момент поставила под сомнение. Так ли уж правильны все его мысли?

И вот оказалось, что пятно живо. Оно смотрело на нее всеми своими потеками и каплями, всей своей невыцветостью, заставляя думать о хорошем качестве чернил в старых авторучках.

– Ну все! – сказала Зоя. – Пищу я ребятам приготовила. Разогреют. А ты езжай себе спокойно в Загорск, вернешься – закомпостируешь билет. Завтра же утром мы поедем в Щелковский универмаг, а после ты детей сводишь в зоопарк и на Красную площадь.

Катя кивала головой. С той минуты, как она увидела дверь в кладовке, а потом это пятно, она уже твердо знала, что распорядок у нее будет другой. Никакого Загорска, никакого зоопарка. Она сейчас поедет на вокзал и возьмет билет на самый ближайший поезд в Сочи. Детям скажет: иначе было нельзя. Теперь ее беспокоило одно: как быть с ключами от этой квартиры, как их передать Зое? Потому что говорить ей обо всем Катя не хотела. Та спросила бы: «Ты что, сбрендил?»

«Ладно, ладно, – гнала эти мысли Катя. – Что-нибудь придумаю. Главное сейчас – билеты».

Зоя провела детей на кухню, открыла кастрюли, из которых хорошо, по-домашнему пахло.

– Хочу есть! – потребовала Машка.

Зоя ласково и благодарно погладила ее по голове. Потом она зачем-то продемонстрировала, как поворачивается водопроводный кран, и строго, с предметным опытом объяснила устройство туалетного бачка.

– Все! – сказала она. – Все! Идем. Ты им скажи, чтоб все было в порядке.

– Не волнуйтесь! – успокоил ее Павлик. – И ты не волнуйся тоже. – Он подошел к Кате и повернул ее лицо. – Что это? – спросил он, показывая на пятно. – Ты чего боишься?

– Ничего, сынок, – ответила она. – Это я так.

– Пошли! Пошли! – торопила ее Зоя. – Мальчик, с которым ты поедешь в Загорск, наш сосед. Я ему за экскурсию с тобой свяжу шарф и шапочку. Так что не стесняйся, спрашивай, пусть все хорошо, подробно объясняет.

Они спустились вниз. Лифт ожидали женщина и девочка. Катя и Зоя вышли, а те вошли, стукнула дверь, вздрогнула сетка шахты, вздохнул ветер, и ничего больше, но надо просто бежать от Зои, чтоб она не увидела, как запульсировала у нее щека. Слава богу, Зоя уже поглощена своими заботами, она умчалась от Кати, едва захлопнулась дверь подъезда. Только сумка мелькнула за углом.

А Катя открыла сумочку и достала пустые бланки рецептов. Сейчас она пристроится где-нибудь и выпишет себе микстуру, есть такая, к которой она старается прибегать как можно реже, в крайнем случае.

Сегодняшний – крайний.

Она нашла в соседнем дворе лавочку и села на нее. В тишине жужжала зеленая муха, была она расхристана и вульгарна, и случилось, видимо, у нее свое какое-то несчастье, раз она

так назойливо вопила о нем на солнечном дворе. Катя пыталась писать, но ручка рвала бумагу, и она испортила два бланка. Так можно испортить все, а она захватила их немного, на случай – мало ли что? Первый раз они с ребятами едут на море.

Катя закрыла глаза для аутогенной тренировки: нельзя, чтобы вчерашний день имел над тобой большую силу, чем сегодняшней, бездарно это и глупо. Вот сейчас она возьмет себя в руки... Раз, два, три... Вдох, выдох... Расслабься, расслабься, расслабься...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.